

Иван Блохин

НА ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЕ

Иван БЛОХИН
На засечной черте

«Пробел-2000»

2013

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Блохин И. А.

На засечной черте / И. А. Блохин — «Пробел-2000», 2013

ISBN 978-5-98604-391-3

В предлагаемых исторических очерках автор повествует о начальном периоде жизнедеятельности родного ему села Бишево Свияжского уезда (середина XVII – начало XVIII века). Ныне оно входит в Апастовский район Татарстана. Писатель И. Блохин в своих изысканиях стремится соединить данные архивных документов, археологических раскопок с преданиями и воспоминаниями дедов и прадедов; знание научного наследия классиков отечественной истории и лингвистики с собственными наблюдениями. Его очерки отличаются достоверностью материала, правдивостью и убедительностью Слова.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98604-391-3

© Блохин И. А., 2013
© Пробел-2000, 2013

Содержание

По государеву указу	6
На засечной черте	11
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Иван Блохин

На засечной черте. *Исторические очерки*

*«Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам..»*

А.С. Пушкин «Два чувства дивно близки нам...»

Иван Александрович БЛОХИН

В 1969 году окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Работал корреспондентом газеты «Труд» и других изданий, публиковал очерки, корреспонденции, рассказы и стихи. В 1976 году защитил диссертацию по теме взаимоотношений общества и природы, кандидат исторических наук. С 1977 года в течение 28 лет преподавал в Московском кооперативном институте (ныне – Российский университет кооперации). В 1997 году И. А. Блохину присвоено ученое звание профессора университета. В 90-е годы написал и опубликовал учебное пособие для студентов «Основы политологии», около сотни научных работ, в том числе по истории Отечества.

Член Союза писателей России. В разные годы издал шесть стихотворных книг: «Домой», «Стремнина», «Ноша», «Повороты судьбы», «Листаю жизнь...», «Избранное», успешно участвовал в ряде литературных конкурсов, имеет награды.

В предлагаемых исторических очерках автор повествует о начальном периоде жизнедеятельности родного ему села Бишево Свияжского уезда (середина XVII – начало XVIII века). Ныне оно входит в Апастовский район Татарстана.

Писатель И. Блохин в своих изысканиях стремится соединить данные архивных документов, археологических раскопок с преданиями и воспоминаниями дедов и прадедов; знание научного наследия классиков отечественной истории и лингвистики с собственными наблюдениями. Его очерки отличаются достоверностью материала, правдивостью и убедительностью Слова.

По государеву указу

Детскому воображению виделось что-то загадочное в названиях улиц нашего села: Большая, Собачья, Татарская, Новая линия, Староверская, Зарезовская. Но взрослые с нами, мальчишками, своими знаниями делились как-то нехотя, то ли считали слишком понятным предмет обсуждения, то ли наш возраст не располагал к серьёзному разговору на данную тему, то ли сами не знали, что сказать.

Из случайно услышанного ясно было одно: Собачья – потому, что много собак на улице было, Татарская – потому, что на ней татары жили, Староверская пошла от поселившихся старообрядцев, Зарезовская – когда-то кого-то зарезали, а новая улица стала называться Новой линией, подробностей мало приходилось слышать, но всё же иногда привносилась в моё детское сознание ясность: на территории современного села были две деревни – татарское Бишево и русское Бишево.

Не сразу созревало понимание того, что надо самим вникать в прошлое, его историю, поскольку стариков, чьи детские годы пришлись на вторую половину 19-го века, оставалось мало, многие их ровесники погибли в годы войн: Русско-японской и особенно Первой мировой, а также в период Гражданской. Немало крепких крестьянских семей сослано было за Урал, за Читу во время коллективизации или расстреляно чекистами по иным причинам. Бабушек и прабабушек, постоянно занятых домашним хозяйством, мы, детишки, в людных местах не видали, разве что в домашних условиях доводилось услышать их откровения.

В Российском государственном архиве древних актов хранится «Переписная книга посадских дворов города и дворцовых и поместных сёл, деревень и дворов в Свияжском уезде, переписи Андрея Племянникова и подьячего Ивана Фадеева за 7154 год от Сотворения мира». По современному летоисчислению – за 1646 год. В списке под № 198 записана деревня Бишево, а в ней: двор помещика служилого татарина Иртуганки Аишева, двор бобыльский, а в нём живет ясачный татарин Темчурка (или: Тенчурка – *прим, автора*), двор брата его – Кайгильдки Аишева, а государеву службу Кайгильдка с Иртуганкой служат погодно, а крестьян-бобылей за ними нет».

Образовано Бишево, как можно догадаться, ранее 1646 года, потому что мы видим в наличии на момент переписи не пять (по-татарски «биш») дворов, а только три. Один из них – дом бобыля, который почему-либо отсутствует, а живет в нём ясачный человек Тенчурка. Стало быть, у деревни было прошлое. Правда, мы не можем сказать, какой длины это прошлое – день или два, неделя или год, а может быть, и более... Факт наличия «прошлого» подтверждается и фразой: «Иртуганка с Кайгильдкой служат погодно», т. е. они уже служат погодно, то есть по году, в течение всего года.

Нынче модным стало и в определённой степени необходимым широко отмечать юбилеи населённых пунктов – городов, посёлков и даже сёл. В связи с этим замечено стремление отдалять даты их возникновения, углублять, так сказать, историю своей родины. Бишево, наверно, не является исключением, поэтому есть смысл установить более точную дату возникновения села.

Конечно, было бы замечательно, если бы я нашёл книгу под названием «История села Бишево», которая якобы велась (писалась) в церкви, что вполне могло быть до 1917 или в крайнем случае до 1937 г., пока храм не закрыли. О наличии такой книги мне в 70-е годы прошлого века поведал тогдашний директор школы и мой в прошлом учитель Павел Николаевич Денисов.

– Неплохо бы её найти! – подзадорил он меня.

Факт существования такой книги подтвердил в форме предположения в беседе со мной и Пётр Николаевич Гузынин, директор Марьинской школы. Он родом из нашего села и помнил

немало фактов из жизни односельчан, в частности, как закрывали и разоряли бишевскую церковь. Он сказал мне, что церковная библиотека была богатой и сразу после того, как закрыли храм, дьяк, боясь, что книги сожгут, раздавал их наиболее ревностным прихожанам. Некоторых прихожан Фёдор Николаевич назвал, но, увы, никого из них в селе уже не было: кто-то уехал, кто-то уже ушёл...

В реальность такой «Истории...» я как-то сразу поверил, поскольку незадолго до этого в «Известиях по Казанской епархии» (№ 1, 1867 г.) на стр. 277 прочитал запись, свидетельствующую о том, что рассматривалось и принималось решение «О заведении при церквах Казанской епархии приходских летописей». И я продолжал вести поиск, говорить при случае с людьми в надежде найти письменный источник по истории села, как бы книга ни называлась.

Ближе всего к истине приблизил меня Леонид Кузьмич Фрольчев, большой любитель поговорить о старине, но ему в 1990 году пошёл уже восемьдесят четвёртый, он стал прихварывать, и тем не менее оживился, когда я заговорил о книге «История села Бишево». Он уточнил:

– Это не «История...», а «Календарь...». Мне показывал его Андрей Якушин, а ему он достался от деда Степана или бабушки, а им, в свою очередь, передал дьяк на хранение, когда церковь разоряли, прочитал он мне одну страницу, где записана легенда о городе, который якобы стоял на том месте, где находился «переходный мост», но по каким-то причинам город будто бы ушёл под воду.

Андрея Якушина я знал, но пути наши разошлись ещё в ранней юности. Он был призван на службу в армию, когда я учился в школе. Затем у него началась работа и семейная жизнь в Казани, а меня после окончания техникума ждала работа в Средней Азии. Больше никогда мы с ним не встречались. К тому же прошёл по селу слух, что его уже не стало.

Начавшаяся перестройка и затянувшаяся постперестройка отвлекли меня от поисков «Календаря...». Думаю, что работа эта будет продолжена если не мной, то другими энтузиастами. А пока я решил написать исторические очерки о своём селе, используя накопившийся материал – воспоминания односельчан, дедов и прадедов, предания и документы, архивные данные, что удалось с большим трудом собрать за много лет моей затянувшейся работы. Прежде всего решил написать о начальном периоде жизни села – его возникновении и становлении.

Зная о том, что по указанию царя Михаила Фёдоровича проводилась перепись населения в Московском государстве, я оформил заявку в РГДА на получение переписной книги 1626 года, но, к сожалению, мне данный документ не выдали из-за его ветхости. Оставалось одно: полагаться на то, что мне доступно. Мои длительные поиски, упорная работа с картотеками не были безуспешными. В РГБ я нашёл важное и единственное в своём роде издание церковного историко-археологического общества Казанской епархии под названием «Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда. Письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.)».

В «Предисловии к «Списку...» сказано: «Царь Иоанн Васильевич Грозный, определив строгое наказание за нарушение границ чужого владения, в 1556 году повелел: «...которые вельможи дети боярские многими землями завладели, а службами оскудели, не против Государева жалованья и своих вотчин к службам бывают, – им в поместьях землемерию уверстати и учинити комузд, что достойно, а излишки разделить неимушчим», в следующем году им был издан и «особый писцовый наказ с правилами измерения земель...».

В соответствии с этими царскими указаниями были описаны многие города и уезды с землями и крестьянами, в том числе и Свяжский уезд. Надо заметить: должность писцов и межевщиков была и ответственной и почётной, поэтому на эту роль назначались лица из бояр. В помощь им для ведения дел прикреплялись поддьяки, а там, где «требовалось отвести вновь пожалованную дачу или рассмотреть спорное дело, являлись межевщики», причём межевание, отвод земель происходили «при окольных людях», результаты записывались в книги с указа-

нием «урочищ, по коим проходили межи», «ставились столбы, копались ямы, в которые клали камни с насечёнными словами, на деревьях натёсывались грани».

Писцовые книги подписывались писцами, владельцами земель, независимо от того, кто они были по рангу: бояре, помещики или ясачные крестьяне, а также присутствовавшими при межевании в качестве понятых, и скреплялись дьяками.

В «Списке...» упомянуты 56 сёл и деревень – или как объекты межевания, или в качестве ориентиров, или почему-либо вызвавшие интерес писцов, и т. д. Названы также реки, речки и озёра, на берегах которых расположены населённые пункты.

После описания Свяжска, чему посвящена половина книги, писцы продвигались на юг по Большой дороге, которую они почему-то оставили без названия. Впоследствии данный путь стал официально именоваться Симбирским почтовым трактом, но в обыденном сознании людей он всегда оставался Большой дорогой. Занимаясь межеванием, писцы сворачивали с неё то вправо, то влево, то на восток, то на запад. Их интересовали в первую очередь те деревни уезда, где находились полоненики (так тогда называли пленных).

По тем или иным причинам не все пленные после «взятия Казани» в 1552 году были отправлены в родные места и продолжали жить в татарских и чувашских деревнях, пахали и сеяли с ними «всмесь».

Писцы и межевщики преследовали цель: обмерить поля, леса и луга, чтобы выделить долю для полонеников и чтобы жили раздельно. Занимаясь замерами земель, они не могли не замечать и соседние населённые пункты, а также различные водоемы, которые по необходимости упоминали.

Изучая документ, составленный по государеву указу, мы получаем достаточно всестороннюю картину жизни уезда того времени в экономическом, географическом и социальном отношениях.

Меня в связи с этим документ заинтересовал с точки зрения упоминания моего родного села Бишево – существовало ли оно тогда? – ведь писцы и межевщики обмеряли и описывали участки земель, расположенные по обе стороны реки Свяги, продвигаясь всё ближе и ближе к моим родным местам. Большинство названий рек и речек, а также населённых пунктов мне знакомы с детства: Волга, Свяга, Кубня, Улема, Бирля...

При изучении «Переписной книги...» у меня возникли серьёзные трудности. Названия сёл, деревень, починков, рек и речек того времени не всегда совпадают с современными, приходилось гадать, обращаться к филологам, историкам, сравнивать созвучия, копаться в разных письменных источниках, словарях, чтобы убедиться в степени совпадения тех топонимов. Например, у писцов: «деревня Бежбатманы», а ныне на карте читаем: «Бишбатман», у писцов: «татарская и чувашская деревня Нурдулатове», теперь – это село Нурлаты. Поскольку населённых пунктов с приблизительно таким же названием на севере уезда не находим, то с уверенностью делаем вывод: название Нурдулатове относится к современным Нурлатам.

В «Списке...» упоминается «починок Ключев на речке Ончигирке (или: Ольчигирке – прим, автора), а в нём крестьян В. Образец Васильев, В. Васька Никифоров, В. Петрушка Фёдоров пашни добрые земли 3 (три) чети. Живут на льготе». С большой долей вероятности можно сказать, что ныне это деревня Семи-Ключи. Если полагаться на рассказы людей, знающих район моего интереса, то чаша весов склоняется в пользу деревни Семи-Ключи, которая, по рассказам, имеет глубокие исторические корни. Она была в прошлом и деревней Федяева и деревней многих ключей, в чём можем убедиться, читая старые книги.

В русском языке когда-то слово «семь» употреблялось в значении «много». Вспомним выражения: «Семеро по лавкам», «За семью печатями», «Семь вёрст до небес», «Один с сошкой – семеро с ложкой» и др. Вот и получается, что Ключев и Семи-Ключи отличаются только по форме, а по сути выражают одно и то же: деревня располагалась там, где много ключей. К тому же местоположение деревни, как можно догадаться в связи со схемой передвижения пис-

цов, находится за речкой Бирля, если ехать со стороны Свяжска. Ну а речки Ончигирки уже нет, как, впрочем, и некоторых других, названных в «Списке...». Примерно в том же районе находилась когда-то деревня Чистые Ключи, однако она располагалась на монастырской земле и к Семи-Ключам отношения не имела.

Предшественницей современного села Булым Булыхчи была деревня Бахлыхчеево. Почему я в этом уверен? Писцы работали в Бахлыхчееве, занимались межеванием пашни, лугов и лесов, чтобы наделить землёй полонеников и определить, где они должны жить. В книге на стр. 107 записано: «В Бахлыхчееве... живут полоненики В. Сенка Панфильев, В. Русилка Сапожник, В. Ларько. Пашни добрые 12 четей, да перелогу 40 четей, в поле и в дву потомуж, сена сто копён, а лес не в развод». Написание названий населённых пунктов, как видим, сильно разнится, но это только на первый взгляд. Первая половина названия – «Булым» означает по-татарски «Былые». Оно, дополнительное определение, и должно было появиться после отселения трёх полонеников – глав семейств на рядом расположенную отмежёванную землю. Спустя 80 лет в «Переписной книге... за 1646 год» мы встречаем деревню Новые Балыхчи, а в документе за 1710 год, где учитывался сбор ясака, указаны деревни Булым Булыхчи, Шамбулыхчи, Малые Балыхчи. В ревизских сказках последующих лет упоминается деревня Поле, что располагалась в пол версте от Булым Булыхчей.

Сегодня мы легко можем доказать, что только село Булым Булыхчи имело деревни-спутники, что находились вблизи от своей центральной усадьбы, а руководствуясь старинными документами, имеем возможность наглядно показать, что только деревня Бахлыхчеево и никакая другая с похожим названием четыре с половиной сотни лет назад отпочковала свой первый спутник – деревню полонеников. Есть все основания утверждать, что между деревней Бахлыхчеево 1565–1567 годов и селом Булым Булыхчи находится прямая связь, несмотря на то что названия деревень пишутся и звучат несколько по-иному.

Кстати о названии. Мне помнится случай 1948 года. Дело было в Апастове, где я тогда учился в пятом классе. В школьное общежитие к нам, ученикам, пришёл учитель с просьбой подсказать, как ему правильно в заявлении указать деревню Булым Булыхчи. Теперь это название унифицировано, а тогда неясно было, что брать за норму. В общежитии на 90 процентов жили ученики старших татарских классов, в том числе из Булым Булыхчей. И какие только варианты в тот вечер я не услышал: Бумбулыхчи, Балыхча, Булыкчи и др. И все пытались отстоять свою точку зрения, мол, старшие люди так говорили.

Я потому так подробно остановился на деревне Бахлыхчеево, что село-преемник Булым Булыхчи являлось и является соседним с моим родным селом Бишево. Расстояние между ними составляло пять вёрст. Наши поля и леса с давних времён граничили, причём межа проходила недалеко от бишевских угодий и совсем рядом от современного шоссе, которое соединяет райцентр Апастово и Большую дорогу. Данный путь и в старину имел большое значение, так как был кратчайшим между побережьем Волги и центральными районами нагорной стороны Свяжского уезда.

Вскользь скажу, что ходового пути на Апастово в 17-м веке не существовало. Плотник и рыбак Борис Иванович Чухонцев когда-то рассказывал нам, пацанам, что в те времена основная дорога из наших мест, т. е. из Булым Булыхчей, Бишева, Эбалакова, Мурзина и др., в сторону Волги лежала через деревню Чури-Барашево, куда она поднималась наискосок по горе. А к тому месту, где впоследствии сложилось ядро будущего пгт. Апастово, в 17-м веке можно было с трудом разглядеть две-три проложенные за всё лето колеи от тележных колёс.

Вникая в материалы межевания, начинаешь понимать, насколько трудной и ответственной была работа писцов и их помощников. Лес они измеряли вёрстами, сенные покосы исчисляли копнами, определяли качество земли: добрая, средняя, худая; указывали, где пашня, где перелог. Земельные площади измеряли десятинами и четями, при этом важно было не обде-

лить тех, у кого отрезали уголья, и по справедливости наделить бывших полонеников, кого отселяли на новое место.

При описании полей, сенных покосов, лесов межевщики не только указывали соседей, но и отмечали различные подробности ландшафта, названия рек и речек. В качестве примера привожу отрывочек текста из «Списка...»: «...учинена межа от чувашские земли Еная да Мусы с товарищи деревни Кабичева от неразводного Тушманского и от Кабичевского от бортного от разоховатого дуба гранёного пашнею новою межою прямо к покляпой берёзе к виловатой на ней грань а от берёзы тою ж пашнею прямо к лугу и лугом мимо чувашское плоское гумнище Кабидчевское и лугом покосы до речки до Серлу по ниже гумнища а гумнище влеве, на праве земля и луги деревни нового Кушмана, а на леве земля чувашская Еная да Мусы с товарищи деревни Кабичева» (с. 140). Однако при отделении полонеников от Бахлыхчеева подробностей подобного рода мы не встречаем.

Хочу подчеркнуть: писцы и межевщики занимались порученным делом в течение двух лет, в 1565–1567 годах, а это – срок достаточный для основательного изучения побережий Свяги и впадающих в нее речек. В целях достоверности позволю процитировать ещё одно место из «Списка...»: «Да в Свяжском ж уезде от крымских полумеж татарских и чувашских сёл и деревень на диком поле на Шехяной рвы круглые, а бывало городище старое, а имени тому городищу не знает ни кто, а около того городища от татарских земель от Казыевских дубрав по обе стороны речки Чикрила а по-русски Ольховые да от двоих буртасов да от новые деревни Енасалы до речки до Улемы...» «...на том диком поле татарове и чуваша из тех сёл и деревень, которые около того поля по блиску пашни пашут выбором и сена косят наездом...».

Подытожим сказанное выше. Писцы, занимаясь описанием побережий речек Улемы и Чикрилы, заметили никому ранее не известное городище, вставив ремарку при этом: «городище старое, а имени тому городищу не знает ни кто...», увидели и определили пустошь «Калебьяб малой блиско татарского сельца барышева...», а вот соседей Бахлыхчеево почему-то обошли вниманием. Похоже, Бахлыхчеево не имело соседних владений, иначе бы на них указали, тем более они не могли проехать мимо Городка, если бы он тогда существовал. Обехать они его никак не могли, поскольку территория, на которой он размещался, примыкала к дороге, соединяющей Чури-Барашево с чувашскими волостями. Писцы Борисов и Кикин наверняка не раз ездили по ней от Улемы и сельца Барышева через Свягу в район, где расположены Ключев, Бетшихово Бурундуки и т. д. Таким образом, напрашивается вывод: в то время ни Городка, ни деревни Бишево пока ещё не было.

На засечной черте

О служилых людях деревни Бишево мало что осталось в памяти людей. Оно и понятно: три с половиной сотни лет прошло с той поры, как они занесены были чиновниками в переписную книгу. Много поколений наших предков сменилось. Много моих односельчан не вернулось с фронтов Великой Отечественной войны – только погибших насчитывается 120 человек, а то и больше. Немало людей сгинуло в Первую мировую, затем в Гражданскую, да ещё в период раскулачивания и насильственного переселения за Урал. Вследствие этих событий оказались прерванными межпоколенные связи, безвозвратно оказались утерянными многочисленные факты из истории села, его людей, а теперь уже и некого спросить о них.

Лично мне, да ещё, может быть, некоторым моим ровесникам повезло в том смысле, что в детстве нам довелось слушать дедушек и бабушек, чья жизнь наполовину прошла в 19 веке. А это значит: тоненькая ниточка воспоминаний каким-то чудом уцелела и сохранила для других поколений хотя бы крохотные обрывки информации о далёком прошлом.

От старых людей я слышал, что два брата Аишевых – Иртуганка и Кайгильдка ездили на службу во Фролово, расположенное в 20 верстах от Бишева. Ныне – это село, относящееся к Буинскому району Татарстана, а тогда оно было починком и входило в Свяжский уезд, имело большое оборонное значение, откуда служилые непосредственно направлялись на Тетюшскую засеку, что проходила южнее села.

Добираться до Фролово было сложно: путь преграждали не только горы, хотя и невысокие, но и большой непролазный лес.

Сначала предстояло переехать вброд реку Свягу, которая была быстрой и изменчивой в зависимости от погоды рекой, затем дорога входила в лес, разросшийся по большому и многовёрстному склону горы, сохранившийся до наших дней, но тогда он был, как нетрудно догадаться, более густым и диким с точки зрения обитания зверей, и, стало быть, не безопасным и для лошадей, и для ездоков. Сложность заключалась и в том, что лес покрывал наиболее крутой склон горы, который напрямую, кратчайшим путём не давал проехать на вершину, поэтому дорога когда-то кем-то проложена была внутри леса, между деревьев, наискосок, чтобы можно было на её вершину проехать на лошадях в упряжке. Эта дорога, хотя и в заросшем виде, сохранилась до сих пор, и бишанцы при необходимости пользуются ею. Мы, школьники, учившиеся в Апастове в конце 40-х – начале 50-х прошлого века, возвращались домой иногда именно лесным путём. Далее, уже по верху он имел продолжение в сторону Чирков. К этому хочу добавить, что в том месте, где нынче расположен населённый пункт – Починок-Енаево в середине 17 века стоял большой лес, там росли высоченные деревья, которые при малейшем ветре сильно раскачивались и издавали ураганный шум, слышимый далеко вокруг.

Затем дорога по лесной просеке шла через деревню Чирки, а оттуда путь лежал к деревне Бятки, спустившись перед этим наискосок, с довольно-таки крутой и весьма скользкой в непогоду горы, ну а далее можно было добраться и до Фролово. Всего-то 20 вёрст. Нет, не близко жили братья от места своей службы. На огромной лесной территории, пересечённой речками, озёрами, ручьями, гористыми склонами, населённые пункты были редки, а служилых людей не хватало.

К каждому звену засеки прикреплялись определённые сёла и деревни. У А. Яковлева в книге о засечных чертах отмечено применительно к 1640 году: «... расчёт состоял в требовании с 3-х дворов один человек с пищалью с селений, расположенных на расстоянии не далее 15 вёрст, и с пяти дворов один человек с пищалью с селений, расположенных на расстоянии 15–25 вёрст от засеки».

Говоря о том, что дорога из Бишево во Фролово была не безопасной, я должен отметить один факт. Мой прадед рассказывал, что у служилых с чирковскими людьми был конфликт,

жители деревни препятствовали их проезду через деревню, и, завидев знакомых лошадей и повозки, тотчас напускали злых собак, которые, оскалив зубы, бросались на лошадей и на ездоков, кусались, и возницы ничего поделать с ними не могли, а оружие применять, видимо, не хотели. Так продолжалось несколько раз, и братьям ничего не оставалось делать, как искать новую дорогу. И они проложили новый путь.

На безлесном промежутке Чирковской горы, где сверху узкой, но плотной и цепкой полосой нависают колки (от слова «околки»), от подножия тянется наискосок длинная тележная колея, которая за многие десятилетия, точнее сказать, за три столетия с лишком настолько укатана была тележными колёсами, утрамбована копытами лошадей, исхожена пешеходами, что, наверное, может использоваться и поныне, хотя почти никто ею уже теперь не пользуется и она почти заросла травой.

Новая колея, проложенная служилыми людьми в середине 40-х годов 17-го столетия, выводила служилых на вершину горы и затем в лесу, что рос сплошным массивом до Бятковского спуска, торили между деревьев, иногда вырубая кусты, корневища, новую дорогу, которая на две версты оказалась короче Чирковской. Эта их первая стезя через Чирковский нагорный лес стала постепенно добротной дорогой, она сохранилась до сей поры. Мне довелось лет тридцать назад ехать по их пути на велосипеде и убедиться в его пригодности. Жители Бишева до 1917 года данную дорогу называли «Дорогой двух братьев», теперь это, к сожалению, забылось.

О сути конфликта ничего определённого сообщить не могу – часть рассказа прадеда пропустил мимо ушей или забыл. В принципе он знал то, о чём говорил. Жена его, а моя прабабушка Устинья Семеновна была родом из Русских Чирков, из зажиточной крестьянской семьи, умная и деловая женщина, могла поведать ему о рассказанном выше конфликте, хотя, надо заметить, Русские Чирки возникли позже чувашских и татарских. Мог он знать о нём также из других источников. В 1918 году в течение полугода он прятался от ареста в Чирковском лесу, где два брата Устиньи Семёновны держали три пасеки, по ночам навещали моего прадеда, и, конечно, кроме политики были у мужиков и другие разговоры.

По свидетельству А.Н. Зорина, автора книги о городах и посадах дореволюционного Поволжья, в 1578 году власти приступают к строительству засечной черты «Темников – Алатырь – Тетюши». Это подтверждает и Н.А. Кузьминский в учебном пособии о Симбирске: «В конце 16-го столетия появляется засечная укреплённая линия между Тетюшами и Алатырем, которая проходила по речкам Бездне и Карле». Опираясь на проверенные книжные данные, теперь мы лучше представляем, где служили братья Аишевы, но пока не получили ответ на вопрос, когда они начали на данной засеке служить. Поэтому продолжим наши изыскания.

Снова возвращаемся к «Подлинной переписной книге посадских дворов города и дворянских и помещичьих сёл, деревень и дворов в Свияжском уезде... за 1646 год». Итак: «деревня Бишева, а в ней двор помещика служилого татарина Иртуганки Аишева...». За помещиком числился один двор. Это означает, что речь идёт об однодворце! И тут нам не обойтись без исторических трудов, в первую очередь без «Полного курса лекций» В.О. Ключевского.

Анализируя влияние помещичьей системы на судьбу крестьян, он рассказывает о том, как в конце 16 века образовалась «значительная масса бедных провинциальных дворян, беспоместных или малопоместных», которых учёный называет «дворянским пролетариатом на том основании, что многие помещики в своих поместьях не имели ни одного крестьянского двора, жили одними своими, «однодворками»; отсюда позднее произошли класс и звание «однодворцев». Выходит, что «однодворцы» – явление будущего. Какая же разница между «однодворками» и «однодворцами»?

В «Толковом словаре живого великорусского словаря» В.И. Даля находим: «Однодворок – одиночное поселение одной семьи, род заимки, хутора...; одиночный выселок. Однодворец, однодворцы – поселяне, считающие себя дворянского рода и, отчасти, владевшие людьми; из

дворянских детей и служилых, поселены в 17-м веке на украине (границе) им даны некоторые права; их притон Тамбовская, Воронежская и соседние губернии». Теперь мы лучше понимаем слова В.О. Ключевского: «...позднее произошли класс и звание «одно-дворцы», то есть не в конце 16-го века, а позднее, как мы знаем, была в Московском государстве Смута.

В первые три года 17-го века Москву и близлежащие уезды поразил ужасный голод вследствие непогоды, унёсший много жизней и вызвавший недовольство народа и беспорядки в стране.

На смену внезапно умершему Борису Годунову воцарился на троне Лжедмитрий I, поддержанный внешними силами. Спустя год в результате переворота власть захватил при поддержке своих сторонников родовитый боярин Василий Шуйский. Будучи слабым политиком, он не смог предотвратить гражданскую войну в стране и не раз его многочисленное и хорошо вооружённое войско терпело поражение от разношёрстной рати повстанцев по предводительством И. Болотникова. Победив восставших, он, В. Шуйский, не смог организовать борьбу против польской интервенции и нового самозванца Лжедмитрия II; сведён с престола земской оппозицией во главе с Прокопием и Захаром Ляпуновыми. Кризис в стране ещё более усугубился, когда к власти пришла «семибоярщина», решившая пригласить на московский трон польского королевича Владислава. Но его отец Сигизмунд решил сам занять московский престол и с большим войском осадил Смоленск, который, несмотря на героическую оборону и нечеловеческие лишения, в конце концов пал. В то же время шведское войско во главе с Делагарди, приглашённое ранее Шуйским на помощь в войне против поляков, видя немощь московского правительства, стало преследовать свои цели и захватывать северо-западные русские города и приморские территории, в том числе Великий Новгород. Захватническая война сопровождалась бесчисленными грабежами мирного населения, издевательствами и убийствами ни в чём не повинных людей, разрушением городов.

В обстановке неуправляемости страной не могло быть речи о значительных преобразованиях в военном деле, тем более что комплектование войска служилыми однодворцами требовало платы за службу землёй и деньгами. Наведение порядка в стране связано с победоносными ратными подвигами второго ополчения во главе с К. Мининым и Д. Пожарским и избранием в 1613 году Земским Собором на царский престол Михаила Романова, причём в первые 20 лет его царствования также не наблюдаем шагов по реформированию войска. Страна из руин поднималась медленно в условиях продолжения войны с поляками, которые не хотели уходить из пределов страны, продолжая претендовать на царский престол в Москве. И только в 1619 году после длительных дипломатических переговоров и военных демаршей было заключено с ними Деулинское перемирие, по которому Польша «удержала за собою Смоленск и Северскую землю».

Со Швецией двумя годами раньше был заключён Столбовский договор (1617 год), по которому Густав Адольф уступал русским все свои завоевания, не исключая Новгорода, брал 20 тысяч рублей и оставлял за собой южный берег Финского залива с Невой и городами: Ямом, Иван-городом, Копорьем и Орешком» (С.Ф. Платонов). Это было время, по словам В.О. Ключевского, когда «новая династия дурно начинала: она не только отказалась от национального дела старой династии, но и растеряла многое из того, что от неё унаследовала». «...Новая династия должна была ещё более прежней напрягать народные силы, чтобы возратить потерянное: это был её национальный долг и условие её прочности на престоле». «...С первого царствования она и ведёт ряд войн, имевших целью отстоять то, чем она владела, или воротить то, что было потеряно».

В годы перемирия правительству удалось навести в государстве относительный порядок и скопить средства на содержание армии. В то самое время, когда государство терпело невзгоды, вызванные потерей западных земель и медленным разрешением порубежных кон-

фликтов, потерей казны от сокращения торговли и сбора пошлин, на юге не давали о себе забывать крымчаки.

Мы можем ещё лучше себе представить положение дел у Московского государства на Западе, юге и юго-востоке, изучив подробности, с которыми нас познакомил другой наш великий историк С.М. Соловьёв, анализируя первые десятилетия деятельности Романовых: «Мы видели, как заботливо царь Михаил избегал разрыва с крымским ханом, и причина понятна: всё внимание было обращено на запад, все силы государства были направлены туда».

Но вот что происходило в реальности. В 1632 году донские казаки на Чёрное море не ходили, а пошли на Яик, тем не менее «... азовские люди (т. е. турки) приходили войною на государевы украины, а потом приходили войною крымские многие люди». Именно об этом говорили визирю московские послы, приехав в Константинополь, а летом 1633 года туда же были направлены новые послы Дашков и Сомов и предъявили жалобу, что «крымский хан Джанибек-Гирей, наруша свою шерть (присягу), в прошлом году посылал своих людей на московские украины, что теперь с ними, послами, встретились в степи тысяч восемь азовских и ногайских людей, пошли войною на государевы украины... Потом послы получили грамоту из Москвы с известием, что в июле 1633 года крымский царевич с 17-ю мурзами напал на московские украины, переправился через Оку, приступил к Серпухову».

Надо сказать, что нападения крымцев происходили в то самое время, когда Москва начала военные действия с целью возвращения Смоленска в 1632 году, где под командованием полководца Шеина было 15 тысяч регулярного войска, устроенного по иноземному образцу, а всего, включая дворянские ополчения, – 32 тысячи человек. Отмечу, что переход в армии от дворянских ополчений к регулярному строю стал осуществляться около 1630 года. Осада крепости надолго затянулась, после того как поляки получили свежее подкрепление, перевес сил оказался на их стороне. Дворяне и дети боярские из ополчения, узнав о набеге крымцев на южные приграничные земли, где остались их семьи и поместья, бежали из-под Смоленска. Произошёл разлад у Шеина с командирами иноземцев. Шеин вынужден был принять условия поляков о капитуляции, за что в Москве в 1634 году был казнён.

Однако, несмотря на неудачи под Смоленском, взгляд московского правительства на использование иностранных наёмников в армии не изменился, поскольку оно убедилось на прошлом опыте: русское войско в борьбе с поляками и шведами уступает в искусстве ратного дела регулярному. В русской армии появились солдатские, драгунские и рейтарские полки, которые, как отмечено выше, уже участвовали в военном деле под Смоленском.

В сметном списке 1631 года перечислены вооружённые силы общим числом до 70 тысяч человек. Это столичные и городские дворяне, пушкарки, стрельцы, казаки и служилые иноземцы. В Казанском крае и Сибири числилось ещё около 15 тысяч татар, чуваш, башкир, представителей других народов, которые ходили в походы со своими мурзами (головами) в тех случаях, когда «бывает всей земле повальная служба». Теперь предстояла реорганизация этой структуры, которая, по словам В. Ключевского, состояла в том, что «под командой иноземных, преимущественно немецких, полковников и капитанов, которых выписывали сотнями, из городских дворян и детей боярских, преимущественно малопоместных, пустопоместных и беспоместных, также из охотников и рекрутов других классов, даже крестьян и холопов, составлялись роты и полки конные, рейтарские, пешие, солдатские и смешанные конно-пешего строя, драгунские».

В другой книге того же автора – «Сказания иностранцев о Московском государстве» – есть комментарий (пункт 23) к главе «Войско»: «При организации полков нового строя в 30-х годах 17 века была сделана попытка привлечения на военную службу беспоместных детей боярских, которым было обещано жалованье по пять рублей в год, однако она кончилась неудачей, и к записи в солдаты стали привлекать другие категории населения (служилые татары, казаки, позднее другие «вольноохочие люди»).

На юге и юго-востоке от Москвы стали появляться новые «поселения служилых людей, похожие на казачьи поселения» (А. Яковлев – «Засечная черта Московского государства в 17 веке»). Из приведённого в начале очерка документа – «Переписной книги...» (1646 год) мы видим, какое большое внимание правительство уделяет Свияжскому уезду, поскольку он по-прежнему остаётся объектом нападений со стороны внешних сил. Несмотря на то что страна к тому времени значительно отодвинула свои границы далеко на восток, построила большое количество городов и городков в Сибири, где население полным ходом осваивало земли, а по всей Волге были построены города-крепости: Казань, Свияжск, Тетюши, Самара, Саратов, Астрахань и др., тем не менее ногаи и другие шайки кочевников продолжали искать слабые места на юго-восточном рубеже государства и проникали внутрь уезда, чтобы чинить разбои, грабить население, уводить людей в полон.

Большая ногайская орда кочевала в Заволжье на степном пространстве от Волги до реки Яик, в низовье которой находилась её столица – г. Сарайчик. Малая ногайская орда кочевала в северном Прикаспии с правой стороны Волги и находилась в подданстве Турции и Крыма. Большая ногайская орда в 1557 году признала зависимость от Москвы, но в конце века отпала от неё, совершала нападения на московские уезды, особенно они были частыми в период Смуты. Её хорошо освоенным путём была дорога по левому берегу Волги, вплоть до Лаишева.

В 1634 году она под натиском калмыков перекочевала на правобережье Волги, объединилась с Малой ордой, после чего разбойничьи нападения на московские уезды они совершали вместе, передвигаясь по ногайскому шляху (дороге), имевшему разветвления на Воронеж, Рязань, Орёл, в нагорную сторону Свияжского уезда. Во время Смуты «...юго-восточный край терпел от прихода ногайцев...» – отмечает Н. Костомаров. По этому поводу больше подробностей сообщает С. Соловьёв: «Ногаи пустошили уезды, переправлялись через Оку, повоёвывали коломенские, серпуховские, боровские места и приходили даже в Домодедовскую подмосковную волость...». У Г. Перетятковича есть описание факта, когда в начале Смутного времени ногайцы подвергли разорению три мордовские деревни недалеко от Тетюш, которые даже спустя более десяти лет не оправались от опустошения.

В трудах историков и в различных исторических документах мы найдём многочисленные факты враждебных действий со стороны ногаев против россиян. Как они воевали и пустошили московские уезды, говорит следующая статистика, приведённая в книге «Россия под скипетром Романовых»: «астраханский воевода в 1614 году отбил у ногаев и их союзников 15 тысяч человек полона», захваченного в Смутное время. Наиболее крупные нападения ногаев и их союзников на московские земли, отмеченные историками, имели место в 1612, 1614, 1639, 1654 годах.

Однако главной причиной, заставившей московское правительство взяться за строительство новой оборонительной линии, были набеги крымцев в 1631, 1632 годах. А их поход 1633 года называют «большой войной». Весной на «украину приходили большие отряды крымских мурз, насчитывавшие по нескольку тысяч всадников, и их ногайская конница. Летом с войском в 30 тысяч «со многими знамёнами и с огненным боем» начал поход сам хан. Татары подступали к Туле, Серпухову, Кашире, Веневу, Рязани; «многими силами», «жестокими приступами штурмовали Пронск».

Наступательная война крымских татар на юге была напрямую связана, скоординирована с поляками, против которых вела войну Москва за возврат Смоленска в 1632–1634 годах. Заключённое перемирие с Польшей вынудило Москву срочно заняться строительством оборонительных сооружений и крепостей на юге и юго-востоке, в 30-е годы 17 века было построено десять новых городов, заново отстроено укрепление Орла. Создавалась новая, Белгородская «засечная черта». В 40-х годах того же века строятся ещё 18 городов.

Предпринимаются меры оборонительного характера и в юго-восточном направлении. А.И. Яковлев пишет: «Осенью 1635 года арзамасские засеки велено было описать, измерить

и поделать арзамасскому воеводе князю И.И. Лобанову-Ростовскому, а алатырские – алатырскому воеводе князю Григорию Борятинскому». К слову «алаторские» автор даёт внизу страницы сноску – «тетюшские». Он тем самым даёт понять, что меры оборонительного характера относятся ко всей алаторско-тетюшской черте. Эта оборонительная линия имела свою историю. В архивных документах находим: в 90-х годах 16 века местность подле Тетюш была уже обеспечена укрепленной засекой, проведенной в вековом лесу, который тянулся на десять вёрст в длину и на восемь поперёк и упирался в реку Свягу. Однако ногаи находили пролазы в засеке, нападали на близлежащие к Тетюшам деревни, опустошали их, рубили саблями земледельцев, застигнутых в полях врасплох. Не щадили при этом ни женщин, ни детей. По этой причине в 30-х годах 17 века правительство приняло меры по укреплению сторожевой линии.

В книге Г. Перетятковича, посвященной описанию Поволжья 17 века и начала 18 века мы находим упоминание о наших местах: «С левой стороны Свяги на речке Карле, которая текла в пределах Свяжского уезда, воеводы основали слободу, состоявшую из «полковых казаков» числом около 200 человек; назначение этих служилых людей – охранение и защита окраинного населения. За свою службу они получали пахоту и другие угоды».

Полк укомплектован служилыми из разных мест. В списке значатся: нижегородцев – 10 человек, свияжских – 10, мурашкинцев – 7, казанцев – 4, теньковцев – 4, тетюшских – 2; в списке перечисляются арзамасцы, владимирцы, тверские, суздальцы, темниковцы, хлыновцы, смоляне, новгородцы, москвичи, муромцы, астраханцы, латыш. Отмечено, что за ними «пахотной доброй земли – 1413 четей, кроме дикого поля». Учитывая, что в то время комплектование войска шло не по набору, а по прибору, то есть добровольно (до 1678 г.) и видя такой большой разброс представителей разных земель, можем сказать, что формирование войска происходило централизованно, «сверху».

Черта состояла из засек, которые в свою очередь делились на звенья. Продолжением алаторской засеки была тетюшская. Она начиналась от правого берега Свяги и проходила по южной стороне Тетюшского уезда, где протекала небольшая речка Кильня, впадающая с правой стороны в реку Свягу; неподалёку от неё стоял Кильнинский острожек, «поставленный для прихода воинских людей».

Засека представляла лесной завал из срубленных деревьев. Валили их вершинами в сторону противника. Чтобы невозможно было их растащить, срубленные деревья на высоте 1–2 аршина от земли не отделяли от пней. Ширину завалов делали различной: от 10 до 100 сажен.

На данной засеке до начала 30-х годов 17 века несли боевое дежурство крестьяне и бобыли из окрестных деревень, назначаемые с десяти дворов по одному человеку с «пищальями, саблями и со всяким боем». Г. Перетяткович со ссылкой на «Акты исторические и юридические, собранные Ст. Мельниковым» сообщает в своей книге: крестьяне писали правительству и жаловались на то, что «они люда пахотные, а не служилые, потому охрана и защита засеки им не за обычай».

В дальнейшем, с 1636 года на Тетюшскую засеку стали назначать служилых людей. Там, где не было леса, создавались другие преграды: надолбы, забивался частик (частокол), рубились башни косые, возводились земляные валы, копались рвы. Там, где нужно для обслуживания засеки и обороны, строились мосты. На обязанности населения окрестных деревень лежала очистка граневых линий от упавших деревьев и другие работы, связанные с созданием удобств для обороны. Сообщается в источнике, что крестьяне уклонялись от этих обязанностей, за что предусмотрены были правительством строгие наказания.

В архиве хранится «Роспись служилым людям по области Казанского дворца на 7146 г. (1638 г.), в том числе по Свяжску на 7145 г. (1637 г.) и по Тетюшам на 7144 г. (1636 г.). Роспись по Тетюшам привожу полностью. Фёдор Фёдоров Кривцов послан в 7144 году в мае, детей боярских – 13 человек, стрельцов – 50, казаков – 50. И из того числа послано на Чёрный Яр на годовую детей боярских – 5 чел., стрельцов – 10; у засеки голова курмашенин – Иван

Вас. с. Евласиев, велено быть в 7145 г. с весны, а служилым людям на той засеке велено с ними стоять свияжским служилым татарам 100 человек да тетюшским казакам, переменяясь по десять чел. в перемене да уездным людям с десяти дворов по человеку.

Засечная черта в мирное время находилась в подчинении Пушкарского приказа. Ответственность за неё на местах несли особые «засечные головы», приказчики и сторожа. В военное время черта подчинялась непосредственно командующим войсками, на ней расположенным.

Служилым людям дополнительно указано было: к весне 1638 года быть наготове к мобилизации и обзавестись долгими пищалями или карабинами, чтобы с одним пистолем «никаков человек в полку не был». «Боярские дети, у которых не будет карабинов, должны запастись «доброй рогатиной».

Служба на засеке приравнивалась к пограничной, поэтому считалась и фактически была опасной, требовала постоянного напряжения, бдительности и готовности отразить возможный набег противника с оружием в руках. Это о них исследователь эпохи Петра I С. Князьков написал: «Однодворцами назывались прямые потомки мелких служилых людей, поселённых правительством каждый на отдельном участке по всей военной границе Московского государства. Эти служилые люди составляли ту живую подвижную завесу, крайние нити которой должны были уметь нащупывать приближение врага, а всё целое – оживлять и вооружать засеки и мелкие укрепления по вести от передовых дозорщиков и грудью встречать первый напор хищников».

На засеке было хорошо укреплённое место, которое являлось и складом для провианта (ржи, овса, крупы, сухарей, толокна, вина, соли) и боевых припасов (зелья, ядер, пыжей, дробы, свинца, холста).

Наши бишевские служилые люди входили в сотню служилых свияжских татар. Другие подробности их службы на Тетюшской засеке, к сожалению, до нас не дошли. Нетрудно догадаться, что один из братьев был помещик, а это означает, что он был не рядовым служилым человеком. Само слово «помещик» в армии того времени было тождественно слову «офицер». А. Яковлев в упомянутой книге отмечает: «вновь испомещённые служилые люди сидят на небольших поместных участках», «...Денежное жалованье для них не превышало пять рублей в год». Этот же автор замечает: «были звенья засеки – «пустовые», т. е. без надзора, не хватало людей».

Таким образом, деревня Бишево впервые упомянута в письменном документе за 1646 год, однако у нас есть основания полагать, что она могла появиться десятилетиями раньше, именно, когда в царствование Михаила Фёдоровича «усиленная работа о восстановлении и строительстве новых засечных укреплений становится заметной с 1635 года». Эта дата совпадает и с фактом появления на Тетюшской засеке отряда из сотни служилых татар.

Привлечение к ратной службе на засечных чертах нового, добровольного контингента служилых помогло устранению «пустовых мест» на засеках, кроме того, созданию дополнительных постов охраны Большой дороги, которая от Свияжска шла на юг в сторону Симбирска и далее. В конце 18 века эту дорогу назовут Симбирским почтовым трактом. А до того она в официальных бумагах в пределах Свияжского уезда значилась как Ногайская. Административно-территориальное деление в нагорной и других частях казанского края определялось названиями дорог: Ногайской, Зюрейской, Порецкой, Алатской и др., как это повелось в ордынский период.

Деревня Бишево входила в князя Чирка Аклычева сотню Ногайской дороги Свияжского уезда. Эта дорога являлась не просто Большой, а стратегической, ибо по ней шло сообщение Казани с «понизовыми» городами-крепостями: Симбирском, Самарой, Саратовом, Царицыном, Астраханью. В случае набега ногаев этот путь мог привести их к Свияжску и Тетюшам с тыла. Открывался простор для захвата мирного населения в полон. Поэтому в окрестных населённых пунктах – существующих или вновь образованных – были организованы посты

служилых людей, которые соединялись в десятни и сотни. Управляли ими десятские и сотские головы. Расстояние между постами составляло пять вёрст. Некоторые деревни отстояли на достаточно большом расстоянии одна от другой. Силами этих сотен и десятен обеспечивалась охрана Тетюшской засеки, и попеременно они выполняли роль конного дозора на дорогах, а также несли различные милицейские обязанности.

В случае опасности служилые люди соединялись в уездные отряды: Свяжский, Алаторский, Тетюшский. И т. д. Следует заметить, что в ходе военной реформы, вводившей новые, иноземные названия: солдат, рейтар, драгун – и после, сохранялись и старые: стрельцы и городовые казаки, которым в мирное время правительство «давало дворы и землю пахотную, не брало с них оброка и никаких податей, а во время службы давало им жалованье...» (С. Соловьёв).

В «Подлинной переписной книге... за 1646 год» я насчитал 202 населённых пункта, где были размещены служилые люди, причём большинство из них, если судить по именам и фамилиям-отчествам, – татары, а также русские и чуваша. Встречаются и такие непривычные для нас этнические новины, например, под номером 112 значится деревня Полевой Турмы помещика служилого татарина (фамилия неразборчива) и три бисярина...».

В документе встречаются разные формулировки, в частности: «деревня Тебярдино помещика служилого татарина...», «деревня Емралы помещика служилого татарина Сатлыганова», «деревня Енали помещика служилого татарина Кулушева» и т. д. В другом случае читаем: «деревня Новые Больхчи, а в ней двор помещика служилого татарина Уразмаметки Немочеева». И т. д. Ясно, что во втором случае мы имеем дело с помещиками-однодворцами, а в первом случае – с помещиками, которым принадлежит вся деревня. Таких формулировок много. Фактически речь идёт о крепостном праве. Мысль, полученная на основе анализа упомянутого документа, подтверждается выводом Г. Перетятковича, который пользовался в работе над книгой архиерейскими ведомостями: «Земля вблизи Тетюшской засеки занята и эксплуатируется служилыми людьми. Дикие поля по речкам Кертели, Беденьге, Сторожевой-Ельховки и другим речкам розданы были в значительном количестве служилым людям Казанского и Тетюшского уездов, помещикам... Правительство раздавало здесь с полным доверием земли не только русским, но и «инородцам» в уверенности, что они также заинтересованы в защите окраин. Так, подле речки Кильны мы встречаем испомещёнными не только свияжских новокрещён, но также и казанских служилых татар, которые в здешних местах владели целыми деревнями». Добавлю: казанские служилые люди владели целыми деревнями, расположенными на правом и левом побережьях реки Свяги, малых речек, а также по обеим сторонам Большой дороги.

В упомянутом документе я насчитал полтора десятка починков, расположенных в радиусе пол сотни вёрст вокруг Бишева. Слово «починок» означало в 15 веке первую вспашку по целине, а в 16–17 веках оно наполнилось новым содержанием и стало поселенческой единицей наравне со словами займище, сельцо, деревня, село и стало уже распространённым и понимаемым на всей территории Московского государства термином: починок – маленькое поселение на лесной поляне, иногда в 2–3 двора.

В самом названии документа «Подлинная переписная книга...» обратим внимание на слова: «...и поместных сёл, деревень и дворов в Свяжском уезде», что значит – деревни уже включают поместья, которыми наделены служилые за свою службу.

Если бы свияжский воевода ставил целью просто обеспечить служилых людей жильём и поместьями, то он мог бы их определить в любую из существующих деревень, большинство из которых в то время были малочисленными по количеству дворов, но дело было в другом. Ставилась цель, во-первых, усилить охрану «пустовых» мест на территории уезда, т. е. устранить наиболее уязвимые участки, через которые противник мог проникнуть внутрь уезда. А во-вторых, правильным рассредоточением сторожевых сил обеспечивалась безопасная хозяйственная деятельность трудящихся поселенцев в лесу и на пашне.

Характеризуя природные условия нагорной стороны Свияжского уезда 16–17 века, историки отмечают изобилие девственных лесов, большое количество ключей, ручьёв, речек и рек, значительное пространство, занятое поймами, озёрами и болотами. А это в действительности означало нехватку земли под пашню.

* * *

Свияга течёт с юга на север, берёт начало в Ульяновской области и своим извилистым руслом несёт свои воды параллельно Волге, но в противоположном направлении, впадая в неё в аккурат у подножия града-острова Свияжск, именуемого в прежние времена городом-крепостью Свияжск. Напротив её устья находится посёлок городского типа Васильево.

Свияга отличается крутыми извилами потому, что путь её пролегает по нагорной стороне бывшего Свияжского уезда, которую географы именуют Приволжской возвышенностью. Кажется, что река проложила себе путь по дну некоей впадины шириной 3–4 километра, похожей на старое русло гигантского, вытянутого на много вёрст водоема, у которого когда-то были высокие берега, но они со временем под влиянием атмосферных воздействий где-то обрушились, где-то округлились или осели и обросли лесами и колками и получились такими, какими мы видим их теперь. А низинная часть впадины прорезана Свиягой, а также впадающими в неё речками и ключами, образовавшими овраги и овражки, болотами и озёрами, лесными островками и кустарниками разных пород и видов.

На подходе к Бишеву, километра за два до него, река течёт с запада на восток. Затем огибает село и устремляется на север, на одном из живописных мест, на левом её берегу, примерно посередине между городами Казанью и Ульяновском и расположен наш населённый пункт.

Чтобы подойти к Свияге, необходимо спуститься с горы, которая местами крута и тяжела для подъёма, а местами отлога, это смотря из какой улицы или переуллка держишь путь.

Течение реки местами может быть почти неподвижным, спокойным, но стоит ей встретиться на своём пути слегка изогнутый берег, она срывается в неукротимый бег и с берега хорошо видно, как на отмели скручивается её поверхность, мелкая рябь переходит в витиеватые волны, которые образуют воронки и уносят вдаль плавающую в заводи ветку или брошенный кем-то из мальчишек отслуживший свой век камышовый поплавок от удочки.

Когда находишься вблизи, то не только видишь, но и слышишь, как вода тычется в берега, лижет и крошит их, пытаясь вырваться на простор. Созерцание этой картины невольно наводит на мысли о том, что скоро волной будут разрушены глинистые глыбы, которые ещё час назад казались незыблемой твердью, и произойдут неминуемые изменения в очертаниях берега. Особенно видна её разрушительная стихия в половодье, когда она несёт в низовья большие льдины. Именно тогда можно наблюдать, как воды реки выходят из берегов и мечутся по низине огромной впадины, стремясь проложить себе новый путь. На памяти двух-трёх поколений она не раз спрямляла русло, образуя островки и меняя береговой ландшафт. А если взять отрезок времени в триста лет, то на память приходит такой зримый аргумент, как Старица, то есть старое русло реки. Местами она похожа на большой овраг, заросший тальниками, шиповником, ежевикой, а местами в сохранившихся углублениях вода стоит круглый год и в ней водится рыба.

В последние лет 20–30 колхоз, располагая мощной техникой, распахал большую часть Старицы и превратил её в посевную площадь. И всё равно это старое русло, длиною примерно километра в три, заметно. Что заставило Свиягу когда-то встарь свернуть резко вправо, к другому берегу впадины, называемой у нас Чирковской горой? Возможно, мощные деревья, вставшие сплошной стеной на пути весеннего потока, несущего большие льдины? Старожилы, вероятно, помнят картины, когда из берегов реки на больших её участках торчали, лежали вповалку толстые дубовые стволы и коряги – остатки оверший, которые своим разбросом напоминали какую-то гигантскую бойню. Трудно сказать, когда и почему погибло столько лесного массива. Возможно, тому причиной явился сильный мороз, а следом за ним обрушился повальный ураган, что тоже могло быть. Одно могу твёрдо сказать, что слой земли, в котором находились

поваленные деревья, отстоял метра на два ниже донной части Старицы. Это расстояние по срезу можно было бы и точней подсчитать. И возможно, сделать это ещё не поздно. Тогда и более точными у нас получатся выводы, когда данная местность была заселена людьми. Такое количество ценного леса они наверняка не оставили бы гнить на земле.

На площади длиной примерно семь километров и шириной 2–3 километра люди не могли заняться хлебопашеством вплоть до конца 19 – начала 20 века, за исключением ограниченной площади, представляющей собой возвышенное правобережье Старицы, где в середине 17 века бишанцы поставили мельницу и завели поташное производство. И всё потому, что река часто меняла русло, то подходила вплотную к селу и отнимала у них огороды, то спустя десяток лет уходила на новые участки...

Склон нагорья, где крутой, где отлогий, образованный течением реки, шёл при подходе к Бишеву с запада на восток, а затем поворачивал на север, оставляя причудливые изгибы и делая неожиданные повороты. Именно направление склона нагорья и определило в будущем конфигурацию улиц. А в середине 17 столетия на всём нагорье рос большой лес – так рассказывали старики. И только узкая глинистопесчаная полоса вдоль склона по верхней его части позволила людям проложить первую дорогу, которая приводила первых жителей деревни Бишево к деревне Бахлычеево, но перед тем надо было пересечь хорошо утрамбованную дорогу, соединяющую деревни Чури-Барашево и Эбалаково.

В непосредственной близости от перекрёстка, на образованном природой углу нагорья с крутыми, почти неприступными склонами стоял Городок, представлявший собой острожек, выжидающий неприятелей, что могли появиться со стороны Волги. В полутора верстах от склона продиралась через лесные дебри извилистая, как синусоида, речка Бисярка, вытекавшая из большого болота, что занимало немало места на краю булыхчинского поля. Речка, перевалив через малый бугорок, наполняла лыву, а затем в три-четыре ключа перескакивала через дорогу, на которой то и дело ясачные люди меняли мостки. Теперь эта дорога значительно поднята, вымощена белым камнем и асфальтирована, и называется шоссе. Уверен: никакая речка, а тем более ключи через такой барьер уже не перепрыгнут.

За дорожным полотном речка петляла между деревьями, корнями кустов, валежника в сторону Бишева, делала крутые извивы и текла параллельно Свяиге, но в противоположном направлении. Теперь эта местность неузнаваемо изменилась, а в 40–50 годы прошлого века в период половодья река напоминала о себе. Её русло проявлялось, как я отчётливо помню, даже в летний период узкими ложбинками, которые хотя и распаханы были и засеяны рожью, овсом или гречихой, но всё равно выделялись обилием выбивающейся из земли сочной зелёной травки. Эти ложбинки приводили к ямкам, к маленьким полувысохшим озёрцам, богатым душистой травой, растущей вперемежку с цветами. Они не были засеяны, потому что по весне, когда шла вспашка поля, колёсный трактор в них сильно увязал. Их было шесть или семь. Уже будучи взрослым, прослеживая направление ложбинок и расположение ямок, хорошо представлял себе весьма извилистое русло речки, текущей когда-то здесь и образующей новую лыву в том низменном месте, которое до сих пор обозначается, собирая воду от тающего снега и ключей, бегущих по улице. Ныне это место находится на границе между Бишевом и крайними домами посёлка Свяжского. И опять же в половодье мог наблюдать, как из этой лывы вода держала путь по улице, затем по огородам и снова попадала в лыву, на берегу которой располагалась кузница и паровая мельница. Эта лыва дожила до наших дней и служит в своём роде украшением села, а в жаркое лето – раздольем для гусей. При бурном таянии снегов вода из неё поступает в Свяигу по канаве, воскрешавшей бывшее русло некогда полноводной речки, текущей круглый год.

Что же такое лыва? Раньше, почти не задумываясь, отвечал: маленькое озеро, озерко. Теперь, заглянув в книги, вношу поправки. А. Преображенский в «Этимологическом словаре русского языка» с пометками «архаичное» и «диалектное» обозначает: в древнерусском языке

14 века – болото, позднее – с пометками «северо-восточное» и «вятское» – приобрело новый смысл: лес по болоту. М.В. Ломоносов в «Оде на взятие Хотина» в 1739 году пишет: «Из лыв густых выходит волк...» В словаре к тексту его книги читаем: «Лыва – болотистый лес». В.И. Даль в 19 веке в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» дал несколько значений слова и в частности с пометкой «вятское»: «Лес по болоту», производя лыву от «лить», «лыва», «заливное» и т. д.

Таким образом, перечисленные мной лывы, оставленные пересохшей речкой Бисяркой на память будущим поколениям, т. е. нам, подтверждает народное предание, что всё пространство нагорья, где расположено село Бишево и окружающие его поля вплоть до Большой дороги, представляло собой три с половиной сотни лет назад большой лес. Такой видится наша местность, если обозреть её со стороны булыхчинского болота.

Теперь вообразим себе, каким было нагорье с юго-западной стороны, откуда к Бишеву катила свои воды река Свяга. Выше отмечено, что в период половодья водой покрывалось огромное пространство земли вплоть до Чирковской горы, но не менее полноводным был разлив реки и слева. В тех местах, где берег отлог, вода по весне устремлялась в огромную пойму, что лежала между деревней Девлекеево и берегом лесного нагорья, где ютилась деревня Бишево. Полностью затопленная пойма напоминала море. Такой она была и в годы моего детства. Смотришь, бывало, на широченный разлив и не видишь берегов. По водной глади плавало множество уток, среди которых переливчатым сизо-бело-чёрным опереньем выделялись селезни. Интересно было смотреть, как тучи птиц садились на спокойную поверхность воды, бойко плавали, вертелись друг подле друга, взлетали и снова шумно садились, словно обсуждали какие-то важные для них дела.

Через неделю-другую, как только прекращался ледоход и Свяга постепенно входила в свои берега, начиналось обмеление и поймы, и среди водной глади начинали вырисовываться островки, исчезали и птицы в направлении севера. В давние времена низинные места этой поймы так и оставались затопленными на всё лето. Прямой дороги через пойму между соседними деревнями не было. Чтобы попасть к соседям на повозке, запряжённой лошастью, приходилось делать большой объездной круг: сначала путь лежал по верху горы в сторону Балыхчей – это километр, затем предстоял поворот на эбалаковскую дорогу, проехав по которой два километра, путник попадал на Большую дорогу и, отмахав по ней ещё километра четыре, достигал цели.

Рыбакам было проще, имея маленькие лодки, приспособленные к Свяге, они могли достигнуть Девлекеева гораздо быстрее и потому чаще видели соседей и общались с ними, предлагая купить свежую рыбу. Обменивались опытом по рыбацкой части. У русских рыбаков из Бишева сети были связаны из нитей – рассказывал нам, пацанам, плотник и рыбак Борис Иванович Чухонцев, – рыбачили чаще всего мерёжами, а наши соседи вентерями, сплетёнными из ивы.

Был и третий путь. По берегу реки проходила тропинка, которая соединяла населённые пункты. Бабушка, помнится, говорила, что в летнюю пору прибрежной дорожкой бегали подростки, пересекая вброд мелкие речки и ключи, что было небезопасно: они изобиловали омутиками, прибрежным кустарником, камышами и корягами.

Теперь два селения соединяет хорошо укатанная дорога. Впервые начал её прокладывать дед Иван Шатунов в 1906 году. Склон нагорья, обращенный в сторону Девлекеева, считался в старину глухим, диким местом и почему-то назывался ласкательно Калинушкиной горой. Низ её отделялся от поймы глухим высоким камышом. Примыкающая сверху к склону полоса шириной во всю улицу называется до сих пор мазарками.

Дед Шатунов в 80-х годах прошлого века при встрече со мной вспоминал не без гордости:

– В девятьсот шестом, когда мне исполнилось 14 лет, отец впервые доверил лошадь, запряжённую в телегу, и дал поручение съездить за «медвежьей яму» – привезти домой накошенную накануне траву.

Доехал я благополучно до Калинушкиной горы, как лошадь вдруг засвоевольничала, резко завернула в сторону камышей. Несмотря на мои понукания, не слушала меня, раздвинула заросли и уткнулась головой в воду и стала жадно пить. Я понял, что моя Карька ещё на расстоянии разглядела воду и устремилась напрямую утолить свою жажду.

У берега оказалось мелко, лошади по колено, и она прошла по воде метров пять. Вода была зеркально чистая. Я хорошо разглядел дно, увидел и себя, как в зеркале. Когда моя лошадка напилась, спокойно повернула туда, куда я её направлял вожжами. Выполнив поручение отца, за обедом рассказал ему о своеволии Карьки.

Отец стал расспрашивать, не увязла ли лошадь вместе с колёсами телеги. Когда услышал от меня слово «нет», заспешил к соседу, не прошло и дня, как на нескольких телегах с косами поехали мужики на островки, не залитые водой. Легко преодолев полосу водной глади, они обнаружили на возвышенных местах богатый травой чернозём. В конце лета начали их распахать под урожай будущего года. Так к бишевским скудным угодьям прибавились десятки гектар доброй плодородной земли под общим названием «зеркала». До 1906 года люди думали, что всё это пространство представляет собой непроходимую топь. «Зеркалами» называли потому, что среди трав то тут, то там блестели круглые озёрца, удивительно тихие и чистые, в которых отражались с поразительной чёткостью небо и облака, и лица людей тоже. Так объясняли нам, подросткам, этимологию этого слова наши мамы. И мы сами тотчас убеждались в правильности их определения.

Вернёмся на Калинушкину гору. Теперь через неё проложена дорога на Девлекеево. Она проходит посередине Староверской улицы, на месте которой в те давние времена рос большой лес. Если встать спиной к Бишеву, а лицом на юго-запад, к Девлекееву, то с правой руки метрах в 120 от дороги находилась «медвежья яма». Лет 30–40 назад можно было её увидеть. Поскольку она оставалась в стороне от дорог и тропинок, а по краям росли кусты, поддерживающие своими корнями толстый слой дёрна, то она сохранила размеры – длину и ширину. Во всяком случае, человек, посмотревший на данное место, получал представление о медвежьей берлоге, а заодно и прикасался к истории края. К сожалению, кто-то из механизаторов проехал по склону на тяжёлом тракторе и мощными лемехами пропахал его.

В полверсте от берлоги, если идти по направлению к заготзерну, мы встретим ещё одну лыгу, которая также свидетельствует о наличии в 17 веке большого леса в данном месте, его с полным основанием можем назвать медвежьим углом. Таковым оно оставалось даже в 19 веке, когда и леса фактически уже не было, зато хватало оврагов, одиноких деревьев и кустарников, представляющих здесь благоприятную среду для обитания волков. Один из оврагов, сохранившийся до сих пор, люди именуют «Лизин Враг (овраг)», в связи с этим названием я слышал такую историю. Дело было поздней осенью. Со двора сбежал бычок. Лиза спохватилась и пошла искать его. Бычка не нашла и сама заблудилась. На утро люди нашли её замёрзшей именно в том овраге.

Однако... вновь вернёмся на Калинушкину гору. Если от края кладбища (мазарок) пройти метров десять на юг, то мы обнаружим внизу под горою углублённую низину, а в ней воронкообразную яму, заросшую по краям кустами и высокой травой. Это место в памяти людей сохранилось как Савино озеро, названное так почему-то в честь Савки Васильева, которому в 1719 году было 74. Лет 50–60 назад в годы моего детства после весеннего паводка на дне низины стояла вода, после сильных дождей – тоже. А раньше, например, в начале 20 века водоем был полноводным круглый год. Из него вытекала маленькая речка под названием Малая Черемшанка. Длина её равнялась примерно одному километру, текла она на юг, впадая

в Свягу. То место, где находилось её устье, называлось раньше Черемошник. Возможно, и теперь данный топоним не забыт.

Мы, детвора, будучи школьниками, спрашивали на уроке свою учительницу о происхождении этого слова, на что получили ответ: «черемошник» – это значит, что здесь когда-то росла черёмуха. Нам казалось – получили правдоподобный ответ, но однажды кто-то из моих двоюродных братьев возьми да спроси нашего деда-рыбака, когда он вместе с артелью пристал на лодке к берегу, а затем выбирал сети из лодки и вывешивал их сушить на колья. Дед ответил, что в этом месте, где сейчас причалены лодки, впадала речка Малая Черемшанка... Кто-то из рыбаков дополнил:

– В давние годы она в летнюю жару стала пересыхать потому, что вплотную к её руслу стала подступать пашня.

И уже после, при дальнейших расспросах, я узнал, что пахари прокладывали борозды на расстоянии одного-двух пальцев от бережка. В конце концов опахали речку так, что она пересохла, а устье рыбаки стали использовать в качестве пристани, так как глубина у берега позволяла лодкам приставать к нему плотнее, здесь и дно не вязкое, а кроме того, слегка изогнутый и не слишком крутой подъём создали для рыбаков удобную пристань. К тому же тут место слегка захолустное, предохраняющее лодки и сети на случай сильного ветра.

* * *

Деревня Бишево в её первоначальном виде располагалась на невысоком берегу, на небольшой площади в 3–4 гектара, зажатой с запада речкой Малая Черемшанка, на востоке – устьем Бисярки и рядом с ней проходящим оврагом, по которому текли паводковые и ливневые воды со стороны Эбалакова. На западе бишанцев рос большой лес, который стоял сплошной стеной вплоть до Большой дороги.

Окна первых домов смотрели на юг, на Свягу и на Чирковскую гору, причём они походили на бойницы – длинные по высоте и узкие по ширине, устроенные с таким расчётом, чтобы не пролезала голова зверя. О первых домах в Бишеве я слышал несколько раз от разных людей. В последний раз в 90-е годы 20 века мне рассказывала о них Евдокия Ерофеевна Ермолаева, в девичестве Телешева. Воспоминания её были для меня особенно ценными в том смысле, что она являлась одним из потомков крещёных татар, живущих в деревне Бишево (Старом селе). Привела и такой любопытный факт. Весной, в тёплую погоду дети выбегали поиграть перед домами, но в какой-то момент вдруг где-то совсем рядом начинал громко реветь медведь, да так грозно, что дети испуганно убегали домой. От неё же, и не только от неё, – слышал, что дома бишевских татар смотрели окнами на улицу, в отличие от местных татар из окрестных деревень, чьи окна домов не смотрели на улицу, а двери в избу открывались вовнутрь. А от Агафьи Ивановны Мольковой – в девичестве Чухонцевой – довелось однажды услышать, что по первости бишанцы в окна вставляли растянутые и высушенные бычьи пузыри, но вскоре поменяли их на слюду.

Агафья Ивановна очень точно выразилась, сказав «по первости», отмечаю я задним числом, ибо в литературе нахожу информацию, что в середине 17 века почти повсеместно в окна ставили слюду, причём не только в церквях, но и жилых домах. Слюдяными оконцами торговали на ярмарках и базарах.

Первоначально деревня Бишево состояла из пяти дворов (биш – пять). Почему «пять», а не «шесть», не «семь» и т. д.? Эта цифра связана с фискальными делами. Раньше, при орде, окладной единицей была «соха». Монголы брали дань с физической сохи, как земледельческого орудия при двух-трёх лошадях. Впоследствии в Московском княжестве после 1480 года в «соху» входила группа из 32 конных рабочих. В 1550 году сохой стали называть определённую площадь распаханной земли, поделив её на четверти. Четверть, или четь, – это площадь земли,

которую засевали четвертью ржи. Четверть, как мера сыпучих тел, равнялась восьми пудам зерна ржи. Не путать с четвертью как мерой объёма жидкости. Пространство земли, засеянное двумя четвертями зерна, равнялось десятина. Десятина, как земельная мера площади, состояла из 2400 квадратных саженой, или из 1,09 гектара. Четверть, как мера обработанной земли, равнялась полдесятине, а всего в трёх полях – полутора десятинам.

В Московском княжестве, а затем в Московском государстве князя из-за нехватки денег платили служилым людям наделами земли. Поскольку воевать приходилось часто, войско количественно постоянно росло. Со временем большая часть пахотных земель стала принадлежать служилым людям, которые подать не платили. Основное же податное бремя несли на себе крестьяне, которые, чтобы убавить непосильную подать, сокращали запашки. Государство оказалось в убытке. В. Ключевский: «Предпринимая в 1620 годах общую поземельную перепись, правительство рядом указов пыталось установить по уездам наибольшее количество дворов, обязанных тянуть тягло с живущей четверти. При этом оно колебалось и поправлялось, меняло свои росписи... затем определили пять дворов на четверть».

По традиции, которая закрепилась ещё в ордынский период, в деле сбора дани действовала круговая порука. Если, случалось, плательщики из одного двора убежали или вымирили, подать не сокращалась, её полностью должны были выплатить те, кто остался. Если бы оказалось, что в деревне не пять дворов, а только три, то заплатить дань или подать им было бы невмочь. Таким образом, опытным путём, а также с помощью расчётов пришли к выводу, что оптимальный минимум живущих дворов, способных заплатить подать, или ясак, определился числом «пять», при этом и сами крестьяне оказались заинтересованными в таком раскладе. Следует отметить: новая окладная единица способствовала расширению посевных площадей. Но обстоятельства требовали вносить коррективы и в этот вроде бы справедливый подход. С. Князьков: «В 17 веке решительно менялся характер военной службы. Служилые ополчение отживало своё время и значительную часть московского войска уже составляли полки, обученные иноземному строю и набранные из служилых людей низшего разряда, из охотников и из даточных с крестьянства и посадских. Крестьянское население страны таким образом всё больше вовлекалось и в военную службу». Подворные переписи проводились в 1646 году, затем в 1678–1679 годах, на основании чего составлялись окладные описи, переписные книги, служившие основанием подворного податного обложения. С 1678 года подать стала взыскиваться с каждого жилого двора, расположенного в данной местности. Пустые дворы стали уже не в учёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.